

№ 12

1879

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 19 Марта 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку нонпарейль (въ 1/2 ширины стряницы).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лаигъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи 6 „

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1879 г. уже вышедшіе №№ со всѣми приложеніями.

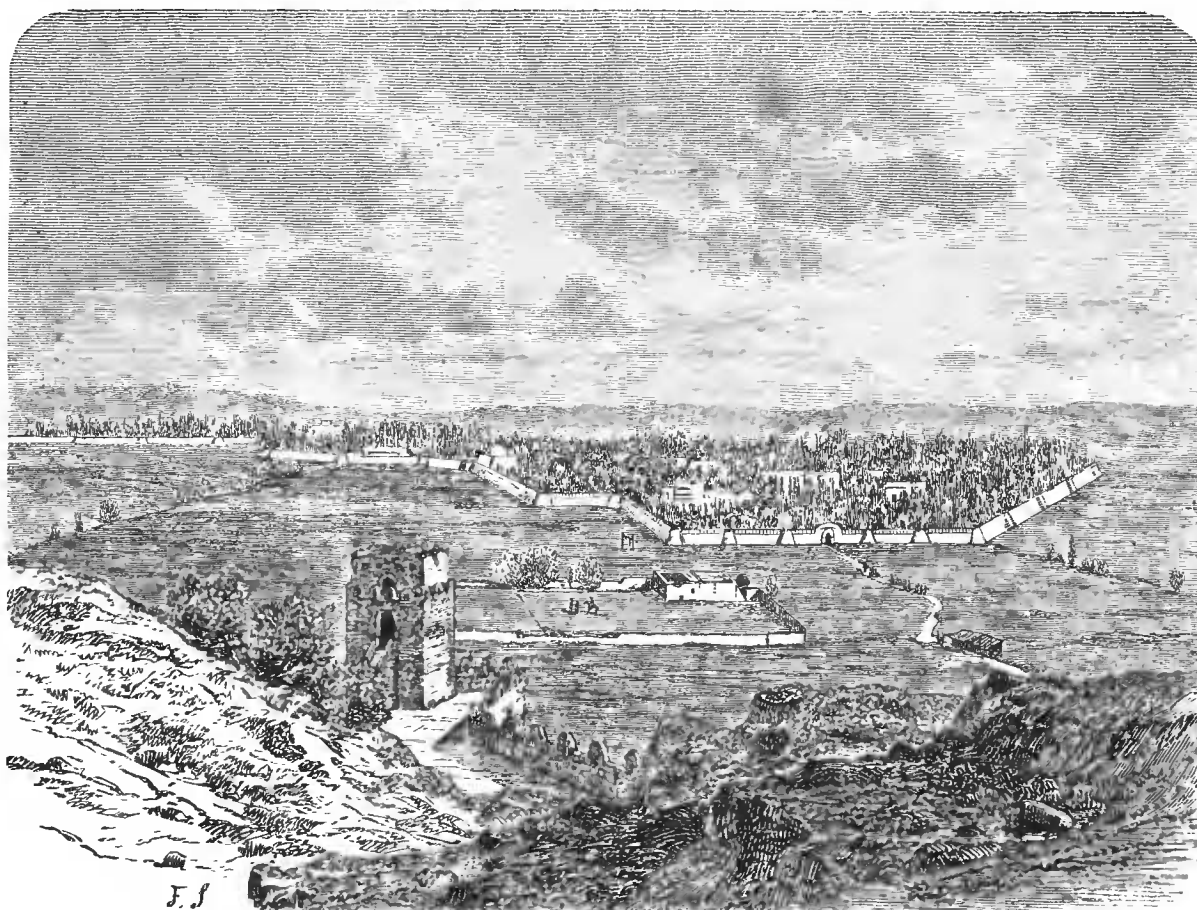
Для гг. служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Особые приложенія при „Нивѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячн, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.

Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Видъ города Яранда въ Кашгарѣ (Восточн. Туркестанъ). По рисунку Шепмена, грав. Шредеръ.

ШАША СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ГРАНИЦА. КАШГАРЪ.

Не далеко еще отъ насъ то время, когда средняя Азія, съ ея ханствами, была почти совершенно невѣдомымъ для европейца краемъ,—краемъ, какъ бы отдѣленнымъ отъ Европы какою-то очарованной стѣной, за грозный рубежъ которой мало кому удавалось заглянуть. Но все таинственное влечетъ къ себѣ съ непреодолимой силой. И вотъ—мы видимъ, что туда, въ эти отдаленныя страны, идутъ смѣлые путешественники, какъ Марко-Поло, іезуитъ Гезъ и друг. Многіе изъ нихъ сложили тамъ головы свои, иные же возвратились и принесли съ собою различныя свѣдѣнія. Въ массѣ такъ наз. образованной публики, эти свѣдѣнія или рѣдко кому были извѣстны, или давно уже позабыты. Ходили туда и войной. Между прочимъ и—мы. Но одиночные путники, эти шиприимы науки, оказались счастливы: до послѣдняго времени почти ни одинъ походъ не имѣлъ удачи—вспомнимъ наши хивинскіе походы: при Петрѣ Великомъ, Бековича-Черкаскаго, затѣмъ, въ прошедшее царствованіе—Перовскаго; вспомнимъ Авангскій походъ британцевъ въ 1839—1842 гг. и т. д. Среднеазиатская стѣна продолжала неподвижно стоять, охраняя доступъ въ завѣтный край. Наконецъ, недавно мы пробили брешь, повалили преграду—и предъ нами открылась вся невиданная до тѣхъ страна...

Теперь—ислѣдованію проложенъ широкій, торный путь и оно идетъ безостановочно. Мы воспользовались добытымъ матеріаломъ, чтобы ознакомить читателей съ тою частью Средней Азіи, о которой, до сихъ поръ, мы знали мѣлче, чѣмъ о другихъ т. е. съ Кашгаромъ.

Въ 1877 году, въ самый разгаръ поднятой нами исторической борьбы, всецѣло, сердцемъ и умомъ, прикованные къ театру этой войны, мы едва обратили вниманіе на трагедію, разыгравшуюся тогда близъ нашей крайней восточной границы. Трагедія эта впишется въ историческую хронику подъ заголовкомъ: „Паденіе Кашгарскаго ханства.“

Хотя ханство это только что рушилось, но исторія его возникновенія, существовавшая въ немъ форма правленія, черты его строя, наконецъ самыя условія и порядки жизни населенія—все это, взятое вмѣстѣ, слагается въ одинъ характерный типъ среднеазиатскихъ государствъ, „процвѣтающихъ“ и нынѣ. Кашгаръ же представляетъ для насъ еще особый интересъ, не только какъ страна, служащая новой точкой соприкосновенія съ китайцами, но и какъ страна, на которую уже обратила свое вниманіе дружественная намъ Британія *).

Кашгаръ, или какъ нѣкоторые называютъ его, Восточный Туркестанъ—область, раскинувшаяся отъ Сибири до Кашмира, отъ Памирской возвышенности до прежней границы Китайской имперіи (съ 1877 г., какъ извѣстно, бывшее ханство составляло часть этой имперіи) характеръ страны преимущественно гористый. Отроги Тянь-Шаня, Карадага, Памира, Мусдача, Куэнь-Луна, охватывая страну и перерѣзывая ее по всемъ направленіямъ, мѣстами разступаются, обрамляя живописныя долины.

Но доступъ къ этимъ долинамъ, по большей части, идетъ чрезъ тѣ горы, пролегая узкими и обрывистыми ущельями, часто возвышающимися на нѣсколько тысячъ ф. надъ уровнемъ моря. Чтобы имѣть понятіе о трудностяхъ, съ которыми сопряженъ переходъ чрезъ ущелья эти, мы приведемъ здѣсь рассказъ одного изъ членовъ британскаго посольства, отираваемаго къ Якубъ-Хану, не за долгое время до его паденія. Посольству предстояло перебраться чрезъ Санджунское ущелье (на югъ Кашгара), на высотѣ 6 т. футовъ. „Дорога, говоритъ онъ, была необыкновенно трудна. То, напримѣръ, приходилось намъ пробираться до такой степени тѣсной развѣсной, что мѣста было только одному яку (посольство ѣхало и везло свои багажи на яккахъ, мулахъ и пони), то мы наткнулись на громадные каменные преграды, покрытыя ослѣпительно бѣлой пеленой снѣга и представлявшія собою родъ стѣны въ 3 т. ф. вышины. Со всѣхъ сторонъ насъ окружали профили горныхъ пиковъ, отчетливо рисовавшихся на яркой лазури небесъ въ воздухѣ рѣяли, своими большими, широкими крыльями, огромные орлы... На разстояніи приблизительно 1,500 ф., поднимъ шесть почти отвѣсно; по снѣгу вилась тропинка, по такой скользкая, что едва можно было идти по ней. Достигнувъ, наконецъ, послѣ неимоверныхъ усилій, вершины дефиле, мы увидѣли тамъ новое преніяствіе—прѣзь намъ лежалъ длинный и узкій ледяной островъ, шаговъ во сто.“ По распоряженію посланника впередъ были посланы люди, которые подѣлали во льду зарубки и набросали на нихъ коври, одѣла, мѣха. „Но, продолжаясь рассказчикъ, не смотря даже и на эти мѣры, переходъ здѣсь обошелся не безъ приключеній. Никогда не забуду тѣхъ страшныхъ усилій, которыя дѣлали наши бѣдные муш, стараясь ссхранить равновѣсіе на этой импровизированной тропѣ. Многіе изъ нихъ оборвались и разшиблись до смерти; одинъ мушъ сорвался въ пропасть и пролетѣлъ, по крайней мѣрѣ, четыреста мстровъ: нѣсколько разъ перевернувшись на лету и ударившись о встрѣчныя скалы, онъ былъ остановленъ, въ своемъ паденіи, небольшою снѣжной площад-

кой. Съ жалостью сдѣли мы за несчастнымъ животнымъ, ниспавъ убѣжденные, что оно было мертво уже за долго до той минуты, когда попало на площадку; какъ вдругъ—видимъ, что мушъ поднялся, отряхнулся и вскорѣ присоединился къ своимъ товарищамъ. (Эпизодъ этотъ читатели могутъ видѣть на приложенномъ рисункѣ, изображающемъ переходъ посольства чрезъ Санджунское ущелье). Къ 4 часамъ „островъ“ былъ пройденъ. Пометь снѣгъ, стало темнѣть и намъ пришлось поспѣшно продолжать путь, чтобы поздняя пора не застала насъ въ горахъ. Спускъ по эту сторону былъ еще болѣе крутъ, чѣмъ подъемъ. Тропинка, по которой мы слѣдовали тутъ, была устлана падалью. Наши яки и мушъ боялись двигаться впередъ, внизъ и гдѣ только находили болѣе или менѣе прочную точку опоры, останавливались, загромождая дорогу. Наконецъ, то пробираясь ползкомъ, то скатываясь, работая руками и ногами, пролагая себѣ путь сквозь наши скучившіяся въочныя животныя—мы, къ 1 часу ночи, добрались до мѣста.“

Въ далѣйшемъ своемъ пути, рассказчику приходилось подыматься и выше. Въ Кашгарѣ возвышенности въ 10, 15, 16 тысячъ ф. и болѣе—не рѣдкость. Богатъ ими, между прочимъ, Памиръ—это горное, пологое къ востоку и обрывистое къ западу, плато, повсюду перерѣзанное отрогами, доступнѣйшія возвышенности котораго Ахтанъ достигаетъ 12-ти тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, Незатанъ 14 тысячъ футовъ слѣшкомъ. Непрерывно за Памиромъ, къ сѣверу, востоку, югу, тянутся другіе горные хребты. Со всѣхъ сторонъ, горизонтъ загроможденъ ихъ массивной цѣнью, съ рядами рѣзко обозначенныхъ пиковъ. Грандіозное зрѣлище представляютъ эти громады, глядящія изъ голубой выси своими бѣлоснѣжными вершинами, на зеленѣющія тамъ, внизу, у подножія, плодородныя равнины, тучныя пажити. По словамъ очевидцевъ, Хотанъ, мѣстность между Каргалыкомъ, Иркандомъ, Яши-Гиссаромъ, Кашгаромъ густо населены, плодородны и хорошо обработаны. Вся страна здѣсь имѣетъ очень оживленный видъ: деревни, окруженныя полями, смѣняются небольшими поселками, а далѣе, на сколько глазъ можетъ охватить развернувшійся предъ нимъ безконечный ландшафтъ долины, разбросаны одѣльныя жилища, причудливы въ густой зелени садовъ, тамъ и сямъ бѣлѣютъ мечети... И деревни эти, и поселки, и уединенные дома наглядно указываютъ на довольство жителей, какъ удобствомъ и относительною обиліемъ хозяйственныхъ построекъ, такъ и обиліемъ запасовъ различныхъ мѣстныхъ продуктовъ, а также богатствомъ скота. Но есть еще другія, общирныя плодородныя пространства, остающіяся необработанными за недостаткомъ рукъ.

Путешественникъ встрѣчаетъ иногда и картины, менѣе веселія зорь. Вотъ изумрудно-бархатистую скатерть луговъ и пажитей скрыла за собой угрюмая, желтовато-сѣрая цѣнь песчаныхъ холмовъ. Они—словно остатки дна когда-то существовавашаго здѣсь озера, можетъ быть моря. Пустынно, безлюдно. На Западѣ, по направленію къ Памиру, тянутся солончаки. Къ востоку, за большимъ ауломъ Кохъ-Робатъ, мѣстность становится скалистою и до самаго Ак-су идутъ необозримыя пространства жонглей, наполненныхъ, по словамъ туземцевъ, хищными звѣрями, тиграми и друг.

Вотъ, однако, миновала унылая пустыня и снова все привѣтливо кругомъ, все снова говоритъ о довольствѣ, о богатствѣ. Страна, дѣйствительно, чрезвычайно богата хлѣбными продуктами и скотомъ; европейцы, посѣтившіе край въ 1874—1875 гг., удивлялись необыкновенному изобилію и дешевизнѣ того и другаго. Мѣра пшеничной муки въ 80 фунтовъ продавалась, напримѣръ, на европейскія деньги, за 2 франка 50 сантимовъ, мѣра маиса въ 40 ф. стоила 60 сантимовъ; за хорошо откормленнаго барана платили въ Аксу 2 франка 50 сантимовъ, въ Иркандѣ—40 и 60 сантимовъ! Населеніе, почти всюду, гдѣ оно ни встрѣчается, обладаетъ огромнымъ количествомъ лошадей, ослѣвъ, быковъ. Лошади мѣстной породы крѣпки и выносливы—лучшими считаются изъ калмыцкихъ табуновъ, у Карашара; низкая средняя цѣна ихъ—отъ 100 до 115 франковъ указываетъ, сама по себѣ на изобиліе и въ этомъ отношеніи. Верблюды—преимущественно изъ породы двугорбыхъ. Это—сильныя животныя, свободно подымающія значительныя тяжести и легко переносящія какъ сильный холодъ, такъ и высокую температуру. Наболѣе цѣнятся хотанскіе верблюды. Въ большомъ употребленіи, какъ вьючное животное, и ослѣ. Вообще богатство вьючнымъ скотомъ бросается въ глаза на каждомъ шагѣ: въ пути рѣдко можно встрѣтить туземца—пѣшехода. Въ числѣ превозможныхъ средствъ не послѣднюю роль играютъ также и арбы. Кормъ скота состоитъ, обыкновенно, изъ маиса, рубленой соломы, медупки (люцерны)—свѣжей или высушенной, смотря по сезону. Мануфактурная дѣятельность населенія (дунгане какъ ядро, коканцы, киргизы, китайцы) ограничивается, преимущественно, фабрикаціей шелковыхъ и хлопчатобумажныхъ матерій и производствомъ вьюлочныхъ издѣлій. Хотанскій шелкъ сырецъ довольно грубъ и невысокаго качества; причину относятъ какъ къ существующему первобытному способу обработки, такъ и къ тому, что онъ мало вывозится, служа, болѣею частью, только спросу туземцевъ. „Если бы, за-

*) См. Политическое обозрѣніе въ № 48 нашего журнала за прошлый, 1878 годъ.

мѣчаетъ одинъ британецъ путешественникъ, установились правильныя торговыя сношенія между Хотаномъ и британскою Индїей, то продуктъ этотъ быстро возвысился бы въ своихъ достоинствахъ, какъ это наипрѣмѣ, произошло съ Кашмирскимъ шелкомъ. Что касается хлопчатобумажныхъ фабрикатовъ—они, въ значительномъ количествѣ, вывозятся за Тянь-Шань, въ Бадохшанъ и русскій Туркестанъ. Издѣлія изъ войлока—ковры и проч. т. п. приготовляются, главнымъ образомъ, въ Камгарѣ и прилежащихъ мѣстностяхъ.

Главные города края, Яркандъ и Камгаръ—довольно значительныя торговыя центры. Первый расположенъ, подъ 38° 25' сѣв. широты и 77° 12' восточной долготы среди цвѣтущей и населенной долины, возвышающейся на 3,800 ф. надъ уровнемъ моря. Это—обыкновенный типъ средне-азиатскихъ городовъ, вѣроятно, мало измѣнившій свою физіономію со времени Марко-Поло. Весь затонувшій въ зелени густо разросшихся садовъ, состоящій, почти сплошь, изъ глиняныхъ построекъ, Яркандъ дѣлится на новый и старый городъ. Старая часть обнесена толстою глиняной стѣной, въ 25—30 ф. вышины, ведущей въ нѣе четверо главныхъ воротъ, кромѣ нѣсколькихъ меньшихъ. Новая часть (Янг-Шааръ) лежитъ немного выше стараго города и тамъ, еще недавно, при Якубъ-Бекѣ, жилъ его губернаторъ, со всей своей свитой. Строгость и требовательность восточнаго этикета извѣстны каждому. Вотъ, наипрѣмѣ, съ соблюденіемъ какого церемоніала происходитъ у яркандскаго губернатора пріемъ иностранныхъ посланниковъ и другихъ почетныхъ гостей. У перваго входа, снаружи, стояла, обыкновенно, многочисленная стража; затѣмъ, въ ближайшей комнатѣ, или залѣ, посѣтителю ожидалъ какой либо важный мѣстный саповникъ, высказывавшій привѣтствіе, заключавшее въ себѣ вопросъ о здоровьи—на что ему слѣдовало отвѣчать, согласно установленной формулѣ: „по вашей милости, чувствую себя прекрасно;“ при этомъ выполнялся обычный селямъ—поклонъ, сопровождающійся прикосновеніемъ руки къ сердцу. Затѣмъ, гости проходили, послѣдовательно, три двора, вдовѣ стѣнъ которыхъ—какъ это можно видѣть на нашемъ рисункѣ—сидѣли на короточкахъ вооруженные тѣлохранители и свита—въ чалмахъ и чогахъ, т. е. толстыхъ стеганыхъ халатахъ, стянутыхъ у талии поясомъ. Самъ губернаторъ находился, по обыкновенію, на третьемъ дворѣ, помѣщаясь на противоположномъ отъ входа концѣ: при появленіи почетныхъ посѣтителей, онъ вставалъ и шелъ медленно впередъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы сдѣлать лишь нѣсколько шаговъ навстрѣчу

прибывшимъ, которые, въ это время, успѣвали пройти почти все пространство. Собственно, пріемъ продолжался не болѣе ¼ часа или 20-ти минутъ и состоялъ въ обмѣнѣ высокопарныхъ любезностей, передачѣ подарковъ губернаторовъ, (онъ отсылалъ свои дары на квартиру гостей) и угощеніи, предшествовавшемъ этимъ послѣднимъ.

Улицы Ярканда постоянно оживлены шумной, пестрою толпой, яркимъ узоромъ движущейся по всѣмъ направленіямъ. Нерѣдко попадаются и женщины, привыкшія, еще при первомъ китайскомъ владычествѣ до Якубъ-Бека, къ большой свободѣ нѣсколько стѣсненной строгимъ эмпромъ. Костюмъ „Яркандскихъ дамъ“ довольно оригиналенъ. По словамъ г. Чэмпена, сопровождавшаго, въ 1874 г., британскаго посланника къ эмиру, г. Форсита—яркандки зимой носятъ на головѣ нѣчто въ родѣ плоской, большой мерлушковой шапки (онѣ называютъ ее турбаномъ), крытой сверху мѣхомъ выдры и окруженной, обшитой шелковой или бумажной матеріей; сзади этого головнаго убора, на спинку, ниспадаетъ бѣлая муслиновая фата, иногда собирающаяся на плеча, въ нѣкоторыхъ случаяхъ закрывающая чадру. Волосы обыкновенно заплетены въ двѣ косы, у нѣкоторыхъ же распущены локонами. Платье женщины длинное и широкое, по безъ складокъ, причемъ, какъ увѣряетъ рассказчикъ, у замужнихъ на груди прошиты горизонтальныя петлицы, которыя и считаются виднымъ признакомъ, отличающимъ ихъ отъ дѣвушекъ. Поверхъ этого платья носится другое, изъ толстой бумажной матеріи и на ватѣ; оно бываетъ всевозможныхъ цвѣтовъ, начиная съ самыхъ скромныхъ и до самыхъ яркихъ, причемъ петлицы—непремѣнно, оттѣнка рѣзко отдѣляющаяся отъ общаго тона. Преобладающіе цвѣта—сѣрый, шоколадный, темно-зеленый, голубой. По праздничнымъ днямъ, обыкновенно, надеваются платья изъ Хотанскаго или Андижанскаго шелка, покрытыя рисунками à la chinoise, на чрезвычайно яркомъ фонѣ и украшенныя богатыми бордюрами и подкладкой; нижняя одежда, въ простые дни, бѣлая—тогда бываетъ тоже разныхъ цвѣтовъ. Костюмъ заканчивается красивыми, изящно отдѣланными сапожками. Дѣти, въ праздники, одѣты съ подобною же роскошью. У лицъ высшихъ классовъ платья, чаще всего—шелковое, подбитое дорогимъ мѣхомъ. Яркандки, повинуясь своеобразнымъ условіямъ туземной моды, соединяютъ кривую брови; въ ходу фальшивыя косы и румяны. Этою—одежда, сохраняя тотъ-же характеръ въ общемъ—менѣе сложная и болѣе легкая. Женщины, по большей части, красивы.

Послѣ боя.

Отчалилъ нашъ корабль... Душа моя полна
Воспоминаньями о боѣ;
Въ синѣющей дали Балкановъ дѣнь видна...
Вы тамъ—родимые герои!

Прощайте, удалцы! товарищи вамъ шлютъ
Привѣтъ послѣдній со слезами;
Завтра солнышко освѣтитъ вашъ пріютъ.
Но море ляжетъ между нами.

Прощай Болгарія! Мы не увидимъ вновь
Долинъ твоихъ теплѣрь намъ милыхъ:
Тамъ столько родной оплаканныхъ сыновъ
Въ сырыхъ поконтахъ могилахъ!

Прощайте же друзья—герои тѣхъ побѣдъ.
Что славою грозной Русь вѣнчала.
Товарищи! мы ей передадимъ привѣтъ
Что вы предъ смертію замышляли...

Далеко нашъ корабль отъ васъ унеситъ прочь.
Средь тѣны, брызгъ волны и шума.
Виситъ туманная надъ Чернымъ Моремъ ночь.
Гнететъ томительная дума.

Къ тебѣ, родная Русь, неслася ихъ мечта—
Средь вьюги горъ и въ шумѣ битвы.
Тебѣ святая кровь, что ими пролита.
Тебѣ предсмертныя молитвы!

Н. Бутовскій.

Рѣчки и рассказы

Вс. В. Крестовскаго.

(Окончаніе)

Санъ-Стефано.

ХІ.

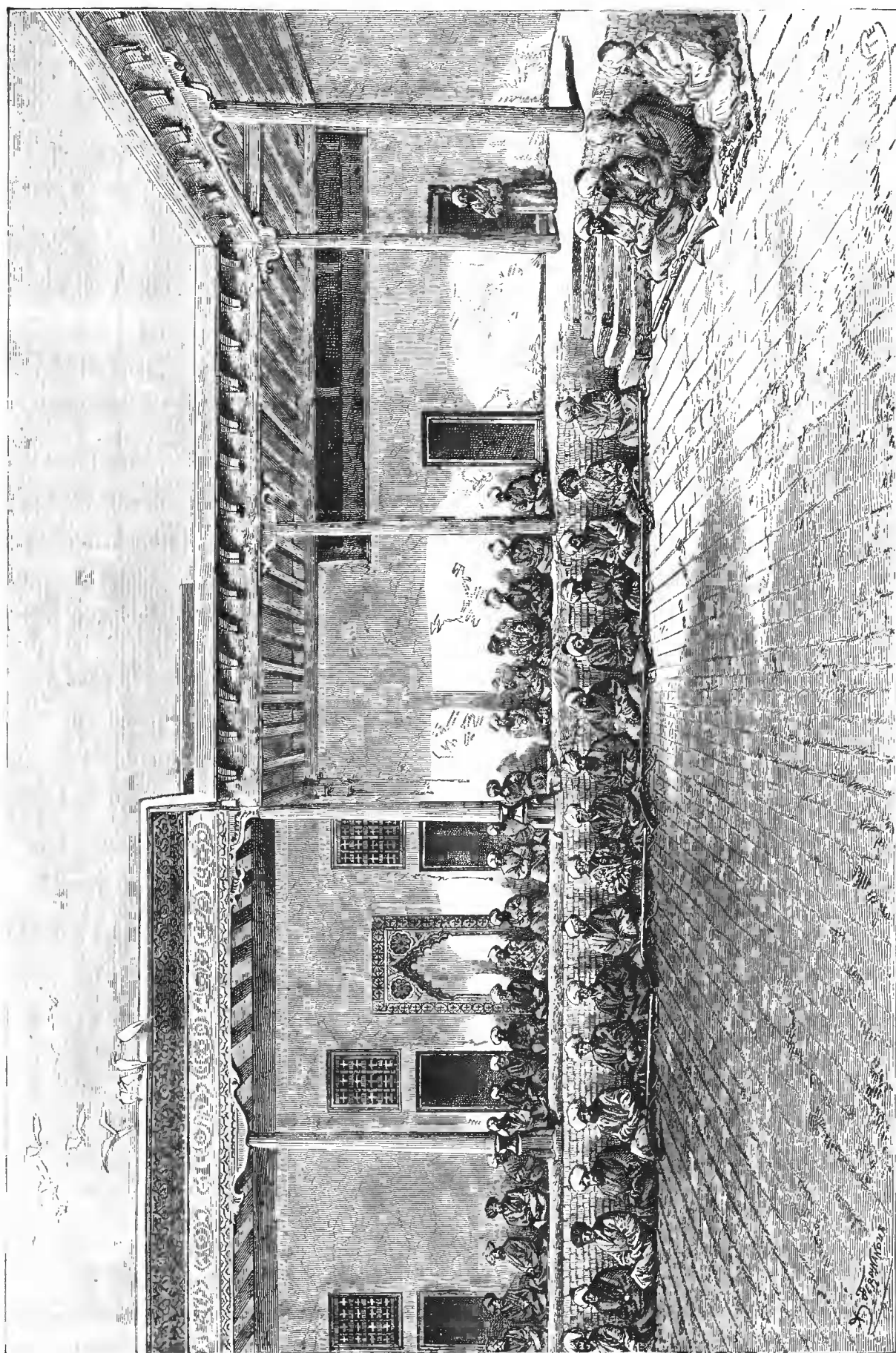
Послѣдніе дни въ Санъ-Стефано Великаго Князя Главнокомандующаго.

Слухи объ отъѣздѣ В. К.—Два концерта въ пользу турецкихъ бѣженцевъ.—Свѣтлое Христово Воскресенье въ С. С. Стефано.—Болгарская депутація.—Прощаніе Великаго Князя съ войсками.—Отъѣздъ Великаго Князя.

Еще въ первыхъ числахъ апрѣля 1878 года между русскимъ населеніемъ Санъ-Стефано стали ходить слухи, что Великій Князь въ непродолжительномъ времени оставитъ постъ главнокомандующаго дѣйствующею арміей, потому что чувствуетъ возвращеніе признаковъ той самой болѣзни, какою страдалъ еще въ Кишиневѣ. Говорили, что на мѣсто Его Высочества назначается генералъ-адъютантъ Тотлебенъ, а на мѣсто генерала Пешкоичичкаго—князь Имеретинскій.

Великій Князь за послѣднее время часто бывалъ въ

Константинополѣ, имѣя пребываніе на Императорской яхтѣ „Ливадія“, съ борта которой иногда съѣзжалъ на берегъ для посѣщеній русскаго посольства и для прогулокъ въ окрестностяхъ города. При этомъ каждый разъ Его Высочество оказывалъ вниманіе и матеріальную помощь тысячамъ турецкихъ бѣглецовъ, лишенныхъ пристанища и средствъ къ существованію. Ради помощи этимъ несчастнымъ, въ Константинополѣ было устроено два концерта, 11-го и 13-го апрѣля, исполненныхъ въ залѣ военной школы, въ Панкальди. На первомъ изъ нихъ обѣщалъ быть Султанъ и потому въ концертную залу собралось все высшее общество Перы и Стамбула. Русскихъ было немного, потому что афиши объ этомъ музыкальномъ празднествѣ не были заблаговременно и въ достаточномъ числѣ распространены въ Санъ-Стефано, были только тѣ, кто случайно успѣлъ узнать о концертѣ. Программа была уже исполнена почти на половину, а Султанъ все еще не показывался, какъ вдругъ въ залѣ появился, въ сопровожденіи нѣ-

Пріємъ у Ярандскаго губернатора. Видъ наружнаго двора. Съ фотогр. рис. Фердинандъ грав. Лашлантъ.

— Молвить-то нечего... дѣлю мое вперед не идетъ и назадъ не пытается... Подступиться-то къ ней трудно: вмѣсто ласки, не попробовывать бы кнута... ты знаешь что бояре на это щедрѣ... замылся Ксенофонть.

— Полно вратъ: бабѣ вездѣ одинаково, что холопка, что боярышня—за любовь не осерчаютъ... Ты чего носишь—отъ повѣсилъ?.. Ты смѣлѣй подступайся, ободряй его Сердцевѣдъ.

— Брось ты объ этомъ толковать... вотъ прорысь-то потолкуемъ: ты взаправду за мной зашелъ?..

— Вѣдь говорю что за тобой: бояринъ прислать, больно ты ему полюбился, какъ упустили мы рысей, такъ онъ и молвилъ: кабы-де Ксенофонть, не дали бы маху... потому, звѣроловъ онъ отмѣнный!.. Идемъ-же...

— Не охотно мнѣ съ нимъ, возжаться, передъ людьми и передъ Богомъ зазорно... И дернулъ же меня сатана въ ту пору медвѣдя побороть да ему на глаза попасть, нерѣшительно проговорилъ Ксенофонть.

Пришла его тетка, маленькая да сморщенная, но подвижная и шустрая старуха. Она какъ-то не ласково, словно съ сожалѣніемъ поздоровалась съ гостемъ и убравъ со стола остатки кушанья спросила:

— Ты куда, Ксенофонть собираешься?

— Въ Удолье, отвѣчалъ за него Сердцевѣдъ.

— Въ труппу-то поганую!.. и старуха съ досадою плюнула! Самъ-отъ ты Ванька безпутный тамъ закабалился да и Ксенофонта въ пагубу тянешь!..

Сердцевѣдъ понурилъ голову и не возражая сталъ надѣвать свои доспѣхи. Ксенофонть также не обращая вниманія на воркотню тетки, одѣлся, взялъ свое оружіе и вышелъ съ товарищемъ изъ избы, которая стояла почти на краю селенія, такъ что они вскорѣ очутились въ густомъ и таинственномъ лѣсу, гдѣ на нихъ повѣяло свѣжей прохладой и охватило смолистымъ ароматомъ сосны; пріятели вспомнили свои бывшія потѣхи въ этомъ волшебномъ, кишасщемъ звѣремъ, бору и всѣ ихъ мрачныя думы отлетѣли... Опять весело и бодро шагали они, прислушиваясь, всматриваясь въ чащу и держа оружіе на готовѣ.

Это происходило въ 1533 году въ началѣ іюня. Не далеко отъ Зарайска, Рязанской губерніи, была тогда деревня Покровка, отъ которой теперь не осталось и слѣда, кромѣ нѣсколькихъ кургановъ. Въ ту пору жители этой деревни были вольные хлѣбопашцы и трудъ ихъ щедро вознаграждала тучная плодородная почва: кромѣ того крестьяне промышляли ичеловодствомъ, лѣснымъ издѣліемъ, да звѣринымъ ловомъ; къ числу самыхъ искусныхъ ловцевъ принадлежалъ Ксенофонть Семеновъ Коряга.

Отецъ его былъ страстнымъ и отважнымъ звѣроловомъ и таскалъ по лѣсамъ маленькаго Ксенофонта, который съ дѣтства втянулся въ вольную, бродячую жизнь охотника. Ему было не болѣе 10 лѣтъ когда и мать

его и отецъ умерли почти одновременно отъ одной изъ тѣхъ эпидемій, которая закосила къ намъ неопытныя орды татарскія. Поль-деревни тогда вымерло, а Ксенофонта пріютила его тетка, оставшаяся одна изъ всей своей семьи въ живыхъ. Ксенофонть платилъ теткѣ своимъ трудомъ, то есть онъ для нея пахалъ да сѣялъ, а въ гулевое время занимался охотой, мѣняя дичь извѣринныя шкуры на одежду, оружіе и припасы для себя, то есть пули, зелье, фитили, не забывая и предметы домашней роскоши: горшки, чашки, узорчатые ложки, котлы и пр.

Иванъ Ѳеодоровъ, по прозвищу Сердцевѣдъ, былъ двоюродный братъ Ксенофонта; съ дѣтства онъ почти постоянно жилъ у дяди и вмѣстѣ съ нимъ бѣгалъ по лѣсамъ; когда же дядя умеръ, Иванъ всю свою любовь

сосредоточилъ на Ксенофонтѣ, который былъ нѣсколькими годами моложе его. Не смотря на тѣсную дружбу, молодые люди были совершенно различнаго характера; Ксенофонть не любилъ гульбы, праздной жизни и вина, а Иванъ Сердцевѣдъ напротивъ былъ общительный, веселый и удалой паренъ. Ему казалось тѣсно въ деревенскомъ быту, онъ все рвался на ратное поле, но случая такого не было, гдѣ онъ могъ исполнить развернуть свою удалъ и онъ попалъ на кривую дорогу, вообразивъ что идетъ по пути къ счастью. Въ 10 верстахъ отъ Покровки была богатая усадьба князя Малмышева, одинокаго, брызгливаго старика, не имѣвшаго ни семьи ни близкихъ родныхъ. Проживъ почти полвѣка въ своей усадьбѣ, называемой Удольемъ, князь Малмышевъ умеръ и имѣнье его, охраняемое вѣрнымъ ключникомъ, съ годъ оставалось безъ хозяина. Но вотъ, совѣмъ неожиданно, на огромное наследство Малмышева явился претендентъ, какой-то дальній его сродникъ. Какими документами онъ доказалъ свое право на наследство, о томъ никто ничего не зналъ положительнаго, но въ Удолье онъ пріѣхалъ съ грамотой отъ Московскаго Великаго Князя Василія Іоановича III, вслѣдствіе чего ему безпрекословно была выдана и казна князя Малмышева

и всѣ его угодья а въ томъ числѣ и Удолье съ его старинными хоромами, переполненными всякимъ добромъ.

Иная жизнь въ Удольѣ пошла при новомъ владѣльцѣ Юріѣ Леонтьевичѣ Обрываевѣ: вся тихая и суровая обстановка, заведенная при старикѣ князѣ, преобразовалась въ шумную, веселую потѣху.

Юрій Леонтьевичъ кликнулъ кличь, не желая ли кто изъ удалцовъ поступить къ нему на службу наемными, ловчими и звѣроловами, такъ какъ самъ онъ былъ страстный охотникъ и всѣ дни проводилъ рыская по лѣсамъ да поливъ своей вотчины, а по ночамъ пирувалъ со своими товарищами, при чемъ вино и медъ лились рѣкой и вся челядь вмѣстѣ съ боярами шла да гуляла безъ устали.

Ярандская женщина. Рис. Декоръ, грав. Лаплатъ.

№ 15

1879

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6-10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выдана 9 Апрѣля 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перс. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимают-ся по 25 к. за стро-ну нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 7 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ 4 р.

Съ доставкою 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ нн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи 6 „

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1879 г. уже вышедшіе №№ со всеми приложеніями.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. назначеивъ.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Особая приложе-ніи при „Нивѣ“ объ-явленій отъ торго-выхъ домовъ прини-маются для мног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.

Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Ярнандскіе нупцы. Рис. Мате, грав. Бертранъ.

НАША СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ ГРАНИЦА. КАШГАРЬ.

(Окончание *).

Изъ общаго гула на улицахъ часто выдѣляются громкіе выкрики разносчиковъ, торговцевъ; одни изъ нихъ катятъ предъ собою тачки, уставовленные всевозможною мелочью, другіе на лоткахъ предлагаютъ различные мѣстные произведенія, а также фрукты, печенія, продавцы рыбы разпосылаютъ свой товаръ, обыкновенно какъ это дѣлаютъ въ Индіи,—въ корзинахъ, которыя поддерживаются продѣтыми сквозь ихъ ушки гибкими жердями, набрасываемыми на плеча торговца въ видѣ коромысла, такимъ же образомъ разпосылаютъ и воду, продаваемую въ ведрахъ на улицахъ; иногда одно большое ведро несутъ двое. Собственно серьезная, солидная торговля сосредоточивается въ устроенныхъ для того, особыхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга, базарахъ. Главный изъ нихъ состоитъ изъ большого двора, внутри котораго расположено болѣе 20-ти помѣщеній, предназначенныхъ для товаровъ. Одни изъ европейскихъ путешественниковъ послѣдняго времени, замѣтивъ слѣдующую особенность въ самой, такъ сказать, процедурѣ торговли. „Въ то время, рассказываетъ онъ, когда мы находились въ лавкѣ одного суконщика, объясниваго намъ, съ большою охотой, устройство своихъ вѣсовъ, туда вошелъ какой-то туземецъ: онъ медленно же вмѣшался въ разговоръ и началъ давать намъ—хотя его и не просили—подробнѣйшія разъясненія. Новоприбывшій оказался „посредникомъ“ между продавцемъ и покупателемъ—„совершенно своеобразная, свойственная странѣ, профессія“ говоритъ авторъ, но вѣроятно этотъ посредникъ просто понаблюдавъ, такъ какъ авторъ иностранецъ.

По словамъ того же путешественника, въ характерѣ народа онъ замѣчалъ много веселости и добродушія. Между прочимъ, рассказчикъ присутствовалъ при одной туземной игрѣ, посвященной пазванію „оглакъ“. Вотъ что онъ передаетъ о ней. Къ мѣсту, пазванію для игры собираются всадники. На землю бросаютъ зарѣзанную обезглавленную козу и участвующие въ состязаніи на всемъ скаку стараются поднять ее, не падая съ лошади. Вотъ несутся они, одинъ за другимъ, держа съ одной рукой за сѣдло и одной ногой въ стремяхъ и стараясь свободной рукой схватить добычу. Вокругъ зрителей, обыкновенно толчется шумная толпа зрителей, громко выражающая порицаніе или одобреніе. Наконецъ—одинъ изъ удаловъ успѣлъ подхватить козу. Онъ быстро оправился въ сѣдлѣ и помычался дальше. За нимъ гонятся остальные; онъ увертывается отъ нихъ. Его нагнали, и уже двое или трое хватились за его руки козу, но—крѣпко прицепивъ ее ногой къ сѣдлу, онъ отбивается отъ соперниковъ и продолжаетъ скакать. Группа участниковъ состязанія долго носитъ такимъ образомъ, пока не разсѣется по всему полю. Въ этомъ случаѣ, добыча принадлежитъ первому, кто ее поднялъ. Но, часто, игра опять возобновляется—спова со всѣхъ сторонъ слетаются всадники къ одному пункту—побѣдителя и слятся отнять козу. Иные противившись къ добычѣ кажется, какъ будто вписать на воздухѣ, обнаруживая необыкновенную ловкость и, вмѣстѣ, своего рода грацію. Вотъ, вотъ—кажется одинъ уже усталъ, но одно легкое почти незамѣтное движеніе, и—онъ спова твердо сидитъ въ сѣдлѣ, точно приросъ къ лошади. Иногда, преслѣдуемый, видя что ему не уйти отъ противниковъ, съ силою бросаетъ свой призывъ поди погоня скачущихъ за нимъ лошадей, чтобы заставить, которую вѣбуй унасть. Игра эта, представляющая не мало опасности, оканчивается признаніемъ побѣды за тѣмъ, кому удастся удержать козу дольше всѣхъ“.

Приблизительно, въ 7-ми дняхъ пути отъ Ярканда, главный административный центръ края, бывшая столица низверженнаго эмира Якубъ-бека, Кашгаръ. Городъ этотъ меньше Ярканда (3 мил. въ окружности). Какъ и всѣ города тамъ, онъ выстроенъ также преимущественно изъ глины и обнесенъ широкой глиняной стѣной; вдоль стѣны, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, большія четырехугольныя башни. Кашгаръ расположенъ на рѣкѣ Кизиль-су (Красная рѣка), обходящей его, съ сѣвера и юга, двумя рукавами, чрезъ которые построено два прочныхъ деревянныхъ мостъ. Непослѣднее отъ пыльного города, видны развалины древняго Кашгара. Къ какой эпохѣ относится эти величественныя сооруженія—трудно опредѣлительно сказать, такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ весьма сбивчивы, между 500 и 2000 л. до нашего столѣтія. Судя по развалинамъ, можно предположить, что городъ былъ очень великъ и окруженъ громадными укрѣпленіями. Если вѣрить мѣстной легендѣ, Тамерланъ тщетно осаждалъ его впродолженіи шѣлаго года, не будучи въ состояніи пробить толстыя стѣны. Городъ сдался только тогда, когда были отведены воды Кизила. По осажденныя успѣли, при помощи хитрости, спастись отъ гнѣва завоевателя: увидѣвъ, что дѣлѣйшая оборона невозможна, они привязали къ верблюду огромныя барабаны; животное, таская его за собою по опустѣвшимъ улицамъ производило страшный шумъ, заставившій монголовъ предположить, что къ защитникамъ осажденнаго города прибыли подкрѣпленія съ южной стороны. Только тогда, когда верблюдъ, изнеможенный отъ голода, остановился и пересталъ шумѣть барабаномъ, монголы рѣшились вступить въ крѣпость, по—

тѣмъ уже никого не было, жители, обманувъ непріятеля, бѣжали всѣ до единого. Таково народное преданіе о паденіи древняго Кашгара.

Якубъ-бекъ жилъ не въ самомъ городѣ, а въ особой цитадели, называвшейся, (какъ и въ Яркандѣ) Инги-Шааромъ—видъ ея изображенъ на приложенномъ рисункѣ. Якубъ-бекъ былъ человѣкъ несомнѣнно замѣчательный. Онъ родился, въ 1820 г., въ простой, но почтенной семьѣ. Отецъ его, весьма уважаемый согражданинъ человѣкъ, переселился изъ Персіи въ Кокандъ, гдѣ занималъ скромную должностъ кази, въ маленькомъ городкѣ Пинкентѣ. Якубъ, какъ старшій сынъ, былъ предназначенъ отцомъ къ духовной карьерѣ и отдавъ на воспитаніе мѣстнымъ мулламъ, но пылкій, смѣлый, предприимчивый обладавшій значительной физической силой, молодой человѣкъ, хотя и усвоилъ себѣ основательное знаніе корана и проникся мусульманскимъ фанатизмомъ—предпочелъ, однако, карьеру военную. 25-ти лѣтъ отъ роду, онъ уже командовалъ отрядомъ въ 500 ч. Въ 1847 году ему было поручено защищать противъ русскихъ крѣпость Акъ-Мушидъ на Амударьѣ, по которую онъ вынужденъ былъ сдать, уже въ 1857 году. Послѣдующія событія въ Кашгарѣ выдвигаютъ его на болѣе широкую сцену. Нѣкогда страна эта находилась подъ властью династій среднеазиатскихъ хановъ Коджей. Китайцы, овладѣвъ Кашгаромъ въ 1765 г., безпрестанно, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, господствовали надъ мѣстными населеніемъ, состоявшимъ, по большей часті, изъ чамотанъ-дунганъ и управлялись съ ними жестоко. Въ 1859 году дунгане внезапно возмутились, перерѣзали множество буддистовъ, выгнали китайскихъ правителей и организовали свое собственное управленіе. Народъ былъ, по преданію, вѣрнопочтѣнъ фамиліи Коджей, и старшій изъ живыхъ представителей этого рода, потомокъ Тамерлана, Бузургъ-ханъ, рѣшился возратить себѣ престолъ и владѣнія своихъ предковъ. Въ 1865 году, вознамерившись вторгнуться въ Кашгаръ, еще продолжавшій бороться съ китайцами, Бузургъ предлагалъ Якубу взять на себя предводительство надъ небольшимъ отрядомъ, который ему удалось собрать для своей экспедиціи. Эта „армія“ насчитывала въ своихъ рядахъ только человѣкъ 70, но поддержанная общимъ сочувствіемъ дунганъ, быстро возросла въ числѣ и дѣйствовала потомъ побѣдоносно. Едва только Бузургъ появился въ Кашгарѣ, народъ немедленно же призналъ его своимъ властителемъ. Однако, чтобы окончательно упрочиться въ Кашгарѣ, Бузургу надо было окончательно сломить китайскихъ буддистовъ. Это было возложено на Якубъ-бека. Облеченный высшей военной властью, онъ объявилъ себя ата-лыкомъ-гази, т. е. защитникомъ вѣры и вѣрующихъ, увеличилъ свое войско, быстро покопчилъ съ буддистами, затѣмъ списалъ расположеніе дунганъ, что было довольно трудно ему, какъ кокандцу и даже ввелъ обязательную воинскую повинность въ странѣ. Въ концѣ концовъ онъ уже сталъ сильнѣе своего повелителя, Бузургъ-хана и объявилъ себя, въ концѣ 1865 г., эмиромъ Кашгара. Бузургъ бѣжалъ. По тяжести была Якубъ-хану „шапка Коджей“ Съ неимоверной быстротой и замѣчательной военной удачей поборовъ враговъ на поляхъ битвъ, онъ, во все время своего 12-ти лѣтняго управленія страной, былъ вынужденъ продолжать борьбу съ внутренними врагами—значительнѣйшею частію населенія—дунганями, видѣвшими въ немъ узурпатора и съ буддистами—китайцами, помнившими его суровую расправу; вмѣстѣ съ тѣмъ ему приходилось быть постоянно на сторожѣ и относительно двухъ громадныхъ имперій, сдѣлавшихъ, такъ сказать, небольшое его владѣніе—Китайской Имперіи и Россіи. Съ одной стороны онъ хорошо зналъ, что китайцы воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы возвратить себѣ потерянную провинцію, съ другой—русскія войска, русская власть стояли на границѣ и тамъ падало одно ханство за другимъ. Неутомимый, энергичный, одаренный замѣчательнымъ умомъ, Якубъ самъ входилъ во все, все держалъ въ своей сильной рукѣ, стремясь организовать какъ могъ, со своими небольшими средствами, государство. Но, къ несчастью этого человѣка, все, что его окружало, было гораздо ниже его, никто изъ близко стоявшихъ къ нему не могъ быть ему помощникомъ. Онъ могъ полагаться на преданности очень немногихъ лицъ и часто долженъ былъ поручать разныя должности своимъ врагамъ—буддистамъ, такъ какъ прибывшіе съ нимъ кокандцы не отличались административными способностями.

Мы уже сказали выше, что онъ жилъ не въ городѣ, а за городской чертой, въ цитадели и одно это уже указываетъ, какъ онъ ожидалъ ежедневно опасности для себя. Единственная его сила, на которую онъ опирался, была сила нравственнаго порядка, громадной авторитетъ, приобретшій имъ въ среднеазиатскомъ мусульманскомъ мірѣ, который смотрѣлъ на него какъ на своего вождя, но—къ его собственному государству неслѣдуетъ не было силъ въ народѣ, въ которомъ китайское владычество развилось, въ извѣстной степени, релігіозный индиферентизмъ. Въ своей вѣншей политикѣ Якубъ-ханъ созна-

*) См. Нива № 12.

валъ, что ему выгодно дружить съ Россіей, чѣмъ ссориться съ нею, но, въ то же время, онъ не желалъ подпускать ея близко и поэтому употреблялъ всѣ усилія, чтобы русскіе не знали ни настоящей его силы, ни слабыхъ сторонъ его. Успѣхи китайцевъ, однако, доказали, что силѣи онъ не былъ, не смотря на всю выказанную имъ неутомимость и энергію въ устройствѣ ханства. Въ августѣ 1876 г. китайская армія, численностью въ 60 тыс. человекъ, начала кампанію взятіемъ Урумчи. Въ сентябрѣ они атаковали Маласъ; Дунганы держались стойко, но китайцы, хитростью выманивъ ихъ изъ города, избили всѣхъ, подвергнувъ жесточайшимъ мученіямъ. Якубъ-ханъ послѣднѣе на встрѣчу имъ. Встрѣча главнѣйшихъ силъ произошла въ началѣ 1877 года. Якубъ былъ разбитъ на голову, 20 тыс. войска его погибли въ сраженіи, остальные перешли на сторону непріятеля, самъ Якубъ, съ небольшимъ отрядомъ, отступилъ къ Карку и вскорѣ умеръ: одни говорятъ—отъ горячки, другіе—что онъ былъ казненъ, или, просто, убитъ вдругъ появившимся сыномъ низвергнутаго имъ Бузургъ-хана.

Въ своемъ сочиненіи о Якубъ-ханѣ, Боульджеръ утверждаетъ, между прочимъ, что большинство китайскихъ войскъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ кампаніяхъ, вооружено и обучено согласно новѣйшимъ требованіямъ военнаго дѣла. Если такъ—то ихъ быстрая побѣда въ Кашгарѣ становится понятнымъ. Уже по нашему рисунку № 8 читатель можетъ судить о первобытныхъ приемахъ и вооруженіи бывшей кашгарской арміи. Армія эта состояла изъ трехъ частей—артиллеріи, «тайфурчей» и пѣхоты. Кавалеріи, въ собственномъ смыслѣ, не существовало, т. е. не было особаго войска, обученнаго правильной кавалерійской службѣ и имѣющаго свое специальное назначеніе. Обыкновенная пѣхота была на лошадахъ, но въ сраженіи сходила съ коней и принималась за свое первобытное оружіе. Артиллерія была незначительна и въ себѣ, преимущественно служила пудсы и авганцы. Изъ нихъ нѣкоторые прежде находились въ рядахъ британо-индійской арміи или въ войскахъ магараджи Кашмирскаго. Одни бѣжали послѣ возстанія 1857 г., другіе прельстились возможностью сдѣлать здѣсь карьеру. Въ половинѣ 70-хъ годовъ начальникомъ артиллеріи у Якубъ-хана былъ пенджабскій уроженецъ Нубби-Букшъ. Перелетчикъ по ремеслу, онъ въ 40-хъ годахъ былъ завербованъ въ британо-индійскія войска, съ которыми принималъ участіе въ кампаніи 1848—1849 гг. Послуживъ нѣкоторое время подъ начальствомъ британскихъ офицеровъ, онъ оставилъ Индію и отправился искать счастья въ Среднюю Азію. Прибывъ въ Яркандъ, онъ былъ задержанъ китайцами, тогдашними обладателями восточнаго Туркестана, но, послѣ 3-хъ мѣсячнаго заключенія, успѣлъ бѣжать въ Коканъ. Здѣсь онъ сошелся съ Якубъ-бекомъ, за которымъ и послѣдовалъ, въ 1865 г., въ Кашгаръ. Войска, находившіеся подъ его начальствомъ, состояли изъ одного, относительно педурно обученнаго полка, нѣсколькихъ полевыхъ орудій, которыя, на маневрахъ, ставились въ интервалахъ между ротами; его же отряду принадлежали еще два полка, изъ которыхъ одинъ былъ обученъ по турецкой системѣ, а другой—по русской. Пѣхота, по словамъ г-на Чаммена, подраздѣлялась, въ свою очередь, на двѣ части—на джигитовъ и сарбазовъ. Джигиты—пѣхота, посаженная, какъ мы сказали выше, на лошадей, которыя навьючены всѣмъ, необходимымъ для солдата. Въ сраженіи, пѣхотинцы слѣзали и стрѣляли, лошади же оставались позади его. Сарбазы были, по-

видимому, нѣчто въ родѣ настоящей пѣхоты. Они, къ тому же, были и лучше вооружены и дисциплинированы. Пѣхота состояла изъ небольшихъ боевыхъ единицъ—въ 200 ч., 250 ч., 500 чел., причѣмъ снабжена была ружьями всевозможныхъ конструкций, видовъ, фасоновъ и системъ: тутъ были и фитильныя, и старыя охотничьи свроейскія, и ружья кашгарской фабрики и довольно удачно воспроизведенныя въ мастерскихъ Кашгара, Ярканда и Аксу, ружья лучшей конструкціи. Войска часто упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль. У воротъ каждаго почти города, для гарнизоновъ были постоянно устроены мшени, къ которымъ солдаты выводились по крайней мѣрѣ четыре раза въ недѣлю. «Тайфурчи» называлась у эмира часть его войскъ, обученная по старой китайской методѣ и въ нее, по большей части, были завербованы дунганы и кашгарскіе китайцы. Вооруженіе ихъ состояло изъ (приблизительно около 2-хъ метрового) ружья, поддерживавшагося особой подставкой. Нѣкоторыя изъ этихъ допотопныхъ орудій были фитильныя, другія же—кремневыя. Заряжались онѣ пулей въ полторы и до трехъ унцій вѣсомъ. При каждой подобной фузеѣ находились 4 солдата, подъ командой одного унтеръ-офицера, двос изъ нихъ, во время выстрѣла, держали ружье на своихъ плечахъ (см. рисунокъ); било оно довольно далеко—шаговъ на 200, или 250. Британское посольство 1874 года присутствовало на маневрахъ этихъ тайфурчей—ихъ было около 1,200 человекъ, раздѣленныхъ на роты, по 10 тайфу каждая и снабженныхъ знаками. На тѣхъ же маневрахъ участвовали еще особый родъ войска, солдаты котораго назывались «тиграми»: вооруженные маленькими фитильными ружьями и большими щитами, покрытыми вычурными рисунками, они, составляли отрядъ стрѣлковъ. Маневрировали эти солдаты довольно отчетливо и быстро, формировали линіи, колонны, перемѣняли фронтъ, съ частою пальбой. Имъ начальствовалъ китайскій офицеръ, который командовалъ при посредствѣ особыхъ сигналовъ, подававшихся имъ флагами или барабаномъ. «Тигры», согласно древней «устрашительной» тактикѣ китайцевъ, сопровождали свои ураженія разными жестами, гримасами и коверканьями. Кроме того, на смотрѣ участвовали также и калмыки, вооруженные луками и стрѣлами. Главное командованіе войсками сосредоточивалось въ рукахъ эмира. Исархія была основа на десятичномъ численіи, т. е. низшій начальникъ командовалъ 10-ю, далѣе шелъ пятидесятникъ, сотенный командиръ, надъ минъ-баши, или начальникомъ тысячи, стоялъ ланкари-баши, командиръ болѣе значительнаго отряда.

Улицы Кашгара—той же калейдоскопъ яркихъ костюмовъ и парадовъ, какъ въ Яркандѣ, какъ во всякомъ восточномъ городѣ вообще. Его базары, между прочимъ, переполнены товарами, привезенными изъ русскихъ предѣловъ. Кашгаръ—значительный торговый центръ, находящійся въ сношеніяхъ съ русскими Туркестаномъ и Кульджой. По улицамъ и на площадяхъ города, нерѣдко можно видѣть извѣстный восточный типъ—дервишей—этихъ нищихъ, фокусниковъ, поэтовъ и музыкантовъ. Они по большей части даютъ народу нѣчто въ родѣ публичныхъ духовныхъ концертовъ, сопровождаемыхъ плясками. Надо, однако, замѣтить, что дервиши, играющіи столь важную роль среди темныхъ, фанатизированныхъ массъ Востока, здѣсь, въ Кашгарѣ, гдѣ, подъ влияніемъ китайскаго владычества, фанатизмъ сильно ослабѣлъ, далеко не пользуются такимъ значеніемъ.

Приключеніе моего доктора.

(Разсказъ).

Сѣрый петербургскій день, съ оттепелью и грязью, глядѣлъ въ запыленные окна. Я лежалъ у себя на диванѣ, ногами къ печкѣ, и никакъ не могъ согрѣться. Я лежалъ такъ съ самаго утра или, вѣрнѣе, съ безсонной ночи, не находя въ себѣ силы встать и приняться за какую нибудь работу. Мнѣ казалось, что я весь разбитъ, изломанъ, что во мнѣ нѣтъ живаго мѣста. Такое состояніе продолжалось уже съ недѣлю, и я начиналъ терять всякое терпѣніе. Я послалъ за докторомъ, ждалъ его съ минуты на минуту и теперь прислушивался—не позвонитъ ли онъ. Меня раздражало это ожиданіе, раздражали тихіе звуки роля, доносившіеся изъ соседней квартиры. Меня приводилъ въ волненіе каждый едва слышимый шорохъ на лестницѣ. Но вотъ наконецъ шаги: ближе, ближе: вотъ они у самой двери въ мою квартиру. Звонко. Это докторъ!

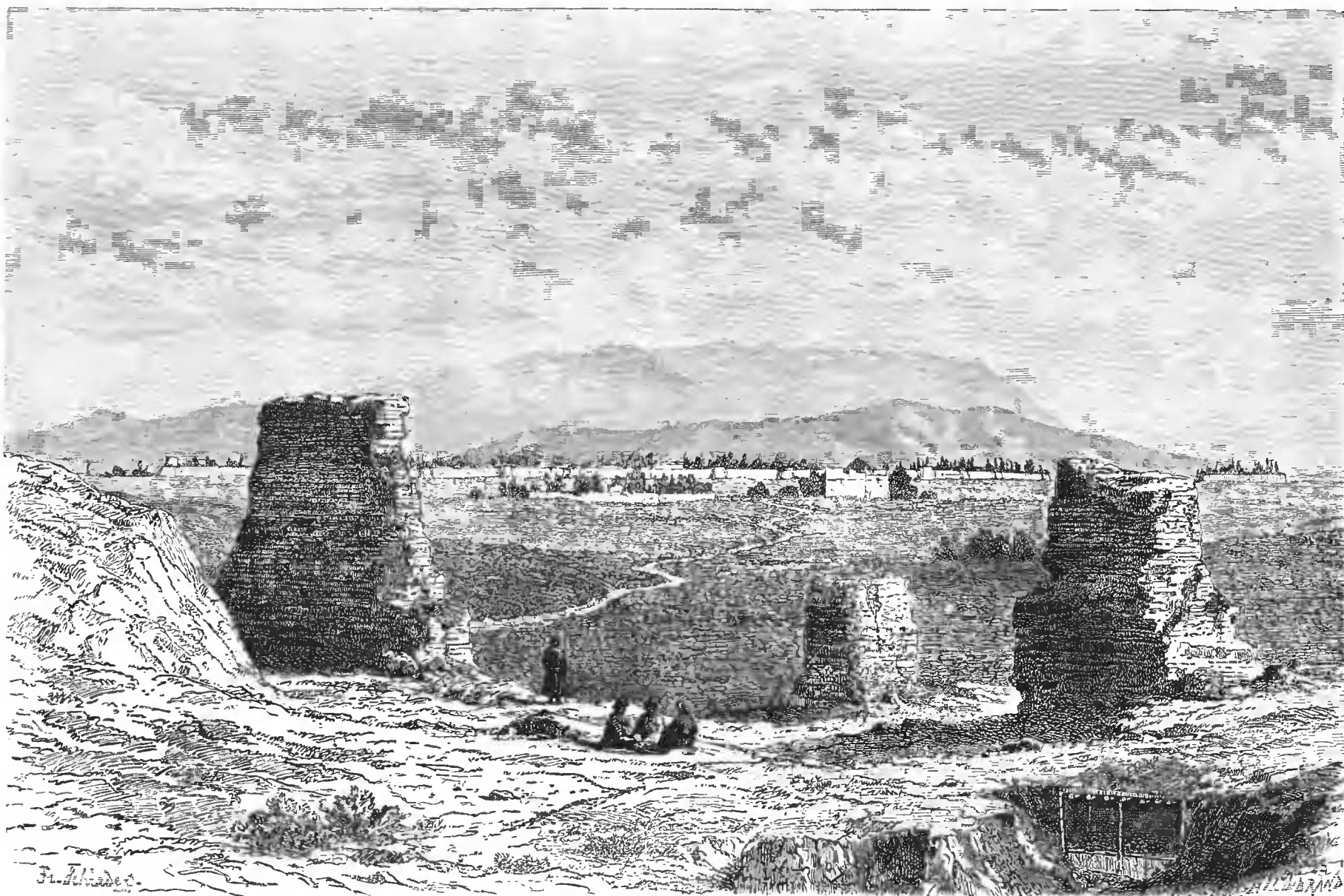
Я хотѣлъ приподняться и идти ему на встрѣчу: но драпировка моей комнаты уже зашевелилась и самъ онъ былъ предо мною.

Я люблю моего доктора: это именно такой человекъ, какой нуженъ всякому больному, и въ особенности боль-

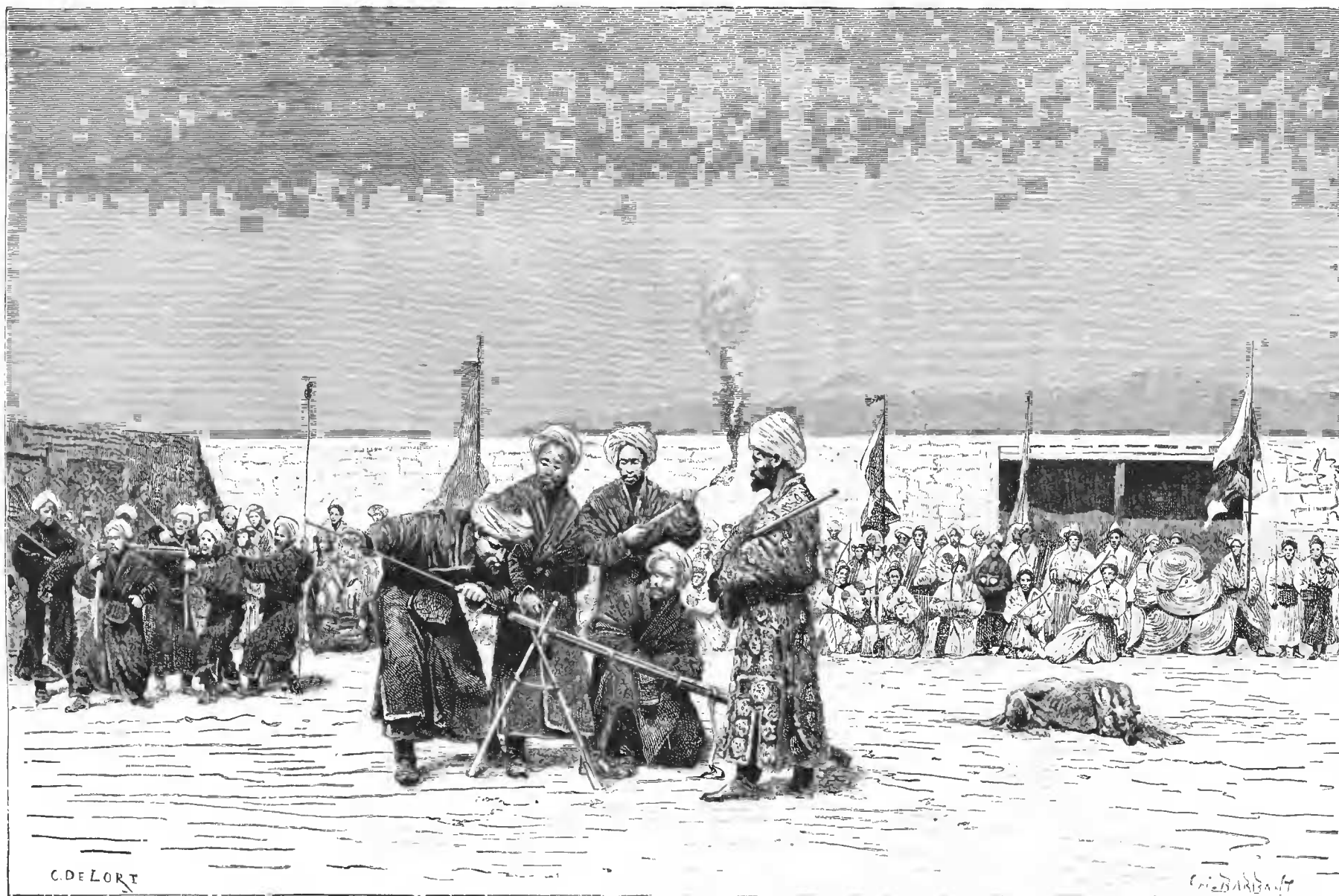
ному первому. Самъ онъ здоровъ какъ быкъ. Огромнаго роста, широкоплечій, крѣпко сложенный, но не толстый, съ спокойно улыбающимся лицомъ, съ мягкими манерами и приятнымъ, задушевнымъ басомъ. Ему еще нѣтъ и сорока лѣтъ. Онъ нѣмецъ, родился въ Россіи, не знаменитъ; но вѣчно доволенъ своей судьбою. А главное, у него есть одно достоинство—онъ не вѣритъ медицинѣ, то есть не вѣритъ алопатическимъ средствамъ и никогда ихъ не прописываетъ. Его средства—гигіена, лѣтомъ минеральныя воды и—круглый годъ—успокоивающія, ободряющія бесѣды съ пациентами. Онъ никогда не запугиваетъ своихъ больныхъ подобно инымъ нашимъ знаменитостямъ.

— Что такое съ вами любезный другъ? заговорилъ докторъ пожмая мнѣ руку и въ то же время очень ловко шуная мнѣ пульсъ;—вы написали мнѣ такую отчаянную записку, что я полетѣлъ къ вамъ какъ угодный.

— Да ничего особеннаго, отвѣчалъ я,—или, вѣрнѣе всего, вотъ что: я пѣкую недѣлю не сплю, голова кружится, слабость одолеваетъ, лихорадочное состояніе...

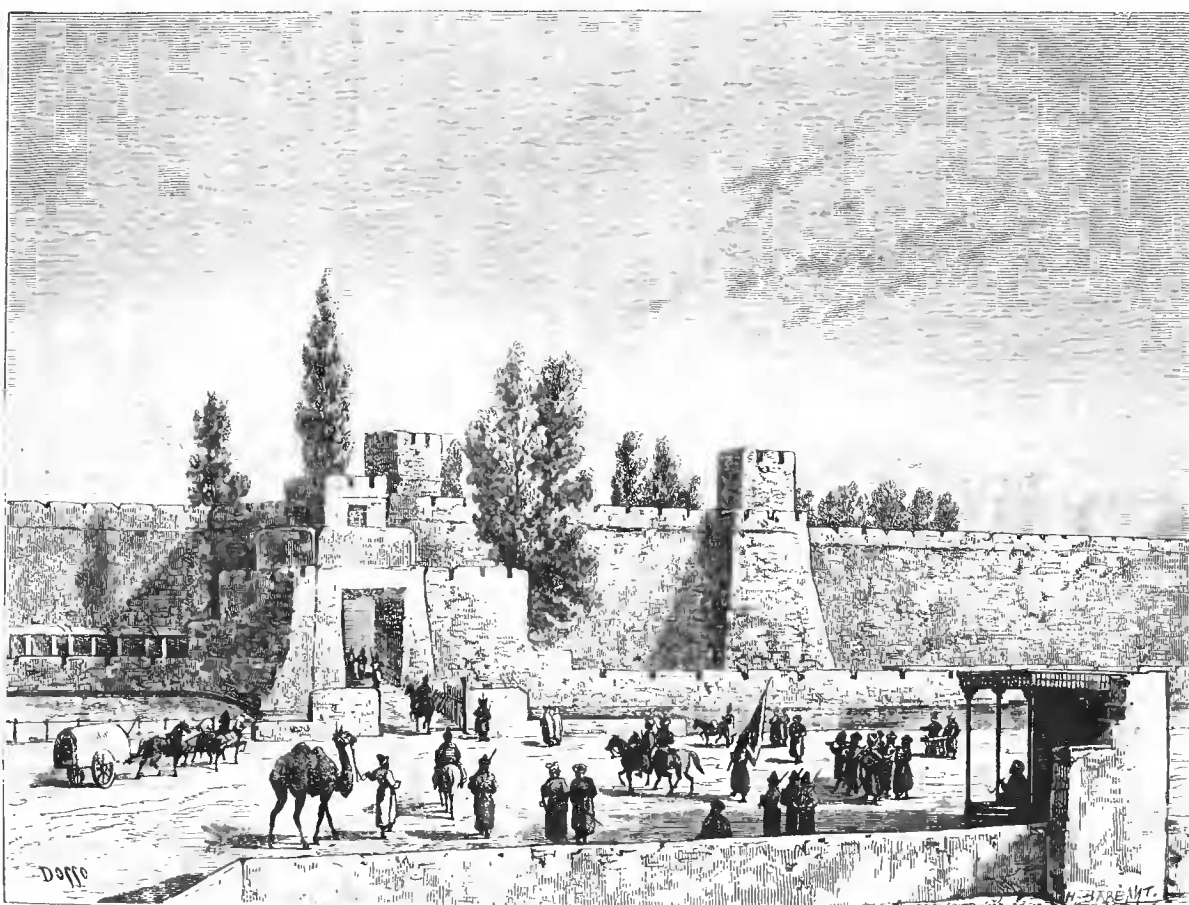
Видъ современнаго Кашгара и развалинь древняго. Рис. Шрауенъ грав. Гильдебрандъ.

Упражнения въ стрѣльбѣ Тайфурчей (Дунгане и Кашгарскіе китайцы). Рис. Делоръ, грав. Барбантъ.

Дервиши-музыканты въ Кашгарѣ. Рис. Делоръ, грав. Лашлантъ.

Ворота Янгишара (Новый городъ) близь Кашгара. Рис. Доссо, грав. Барбанъ.

НИВА

XIV годъ
№ 31

годъ XIV
1883

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загранич.) за строку непарелль (въ 1/4 ширины страницы).
КОНТОРА
журнала открыта ежедневно (кроме воскресн. и праздн. дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ отдѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія . . .	5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . .	5 р. 50 к.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. многогороднымъ 3 р.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особые приложенія при „НИВѣ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати авторамъ не возвращаются.

Графъ Шамборъ.

Монархическая Франція переживаетъ въ настоящую минуту важный кризисъ — единственный членъ старшей линіи Бурбонновъ, графъ Шамборъ, тяжело боленъ. Генрихъ-Карлъ-Фердинандъ-Марія-Діёдоннэ д'Артуа - Бурбонъ, герцогъ Бордосскій, графъ Шамборъ родился 29 сентября 1820 года въ Парижѣ, около семи мѣсяцевъ послѣ трагической смерти своего отца, герцога Беррійскаго, убитаго 23 февраля того года извергомъ Лувелемъ. У его дѣда, короля Карла X, кромѣ другаго сына, герцога Ангулемскаго, не было мужскаго поколѣнія, по и этотъ принцъ самъ былъ бездѣтенъ; въ день крестинъ — 1 мая 1821 года — юному принцу былъ поднесенъ въ подарокъ купленный по подлинскѣ наиболѣе преданными королевскому дому приверженцами, — замокъ Шамборъ — откуда принцъ и заимствовалъ свое нынѣшнее имя, носимое имъ въ изгнаніи. Изгнаніе ему пришлось извѣдать съ дней ранней юности. Июльская революція 1830 года испровергла старшую линію, замѣнивъ младшей, Орлеанской линіей, почему — хотя Карлъ X и отка-

Графъ Генрихъ Шамборъ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

зался отъ престола въ пользу герцога Бордосскаго, этой фамиліи, все таки, пришлось удалиться изъ Франціи. Но не всѣ ея члены помирились съ этой долей. Нѣсколько времени спустя — началась трагическая эпопея мужественной попытки герцогини Беррійской возвратитъ тронъ его законному государю — сыну ея, графу Шамбору — Генриху V. Приплывъ изъ Италіи почти одна, энергическая герцогиня проникла внутрь страны, гдѣ, укрываясь въ замкахъ дворянъ, оставшихся вѣрными и неизмѣнно преданными старшей линіи слугами, укрываясь часто въ хижинахъ крестьянъ, также державшихъ сторону „Генриха V“, укрываясь на чердакахъ домовъ, въ лѣсахъ, одѣтая въ платье простой поселянки, эта женщина, обладавшая непобѣдимой силой воли, исходила значительную часть Франціи, сдѣлавъ возбудитъ въ народѣ движеніе въ пользу законнаго короля. Ей удалось собрать и вооружить небольшой отрядъ, но — верѣйность однихъ, эгоизмъ другихъ и мѣры, принятыя тогдашнимъ министромъ Луи-Филиппа, Тьеромъ —

съ гордымъ чувствомъ всеобщаго почета и необычнаго блеска. Свадебные обряды въ старину символически изображали это вступленіе невесты въ новую, повую жизнь и представляли торжественное возведеніе въ достоинство супруги. Жениха облакали званіемъ князя, а невесту величали княгиней—обычай, до сихъ поръ уцѣлѣвшій у нашего простаго народа. Каждую невесту окружала многочисленная свита: съ ея стороны, какъ и со стороны жениха, выбирались сидячіе бояре и боярыни, которые составляли почетный совѣтъ; также съ обѣихъ сторонъ пажнаки: съ свадебныя дѣти, боярскіе или поѣзжае, сопровождавшіе шествіе жениха и невесты и во время церемоніи представлявшіе второй классъ гостей послѣ бояръ. Многочисленныя слугамъ также раздавались на этотъ случай различныя должности: изъ нихъ отряжались свѣтчики, караульщики, фопаришники, а ясельничій и конюшій должны были предохранять свадьбу отъ колдовства и отъ всякаго лиха, ибо свадебное время считалось особенно удобнымъ для порчи и колдовскаго лихостѣйства. Но вотъ приближалось время вѣнчанія и невесту начинали одѣвать въ ея лучшія платья, обычнымъ порядкомъ, при гнѣніи свадебныхъ пѣсентъ. Свахи расчесывали волосы невесты, распускали ихъ по плечамъ, потомъ заплели въ двѣ косы и на голову надѣвали вѣнокъ. Вѣнокъ этотъ обыкновенно дѣлался изъ плющеного золота или серебра и подбивался мастрей, а по краямъ его висѣли близъ ушей четыре, шесть и болѣе жемчужныхъ нитокъ, которыя висѣли на груди. Платье невесты и рукава ея рубашки, которые бывали около 3 аршинъ шириною, и воротнички выпивались жемчугомъ. Башмаки для невесты присылались обыкновенно женихомъ вмѣстѣ съ другими подарками: серьгами, опашаломъ, бѣлилами, румянами, пѣтками, ножницами и пр. Такое порученіе выполнялъ какой нибудь изъ родныхъ, мальчикъ, который и обувалъ молодую. Когда въ домѣ невесты все было готово и невеста одѣта, то ее, покрывъ фатой, вели торжественнымъ шествіемъ въ залу, гдѣ было устроено для нея мѣсто съ женихомъ. Эта свадебная обрядность выполнялась безъ всякихъ отступленій даже въ высшихъ классахъ общества до начала XVIII столѣтія, когда вторженіе западной моды совершенно измѣнило домашнюю жизнь нашихъ бояръ, и обративъ ихъ въ роскошныхъ петиметровъ, а болыпъ и болыпъ—въ изысканныхъ французскихъ щеголей, положило рѣзкую грань между обычаями боярства и простолюдина.

Діана на крыльяхъ Ночи.

(Рис. на стр. 737).

Копія съ акварели знаменитаго Карла Павловича Брюллова, помѣщенная въ настоящемъ номерѣ „Шивы“, представляетъ наглядный образецъ тѣхъ аллегорическихъ картинъ, до которыхъ было такъ ладно общество сороковыхъ годовъ, и къ которымъ съ особенною любовью относились всѣ и русскіе и иностранные художники. К. П. Брюлловъ былъ не прочь отъ изображенія мифическихъ чисто-условныхъ сюжетовъ,—и его „Затмѣніе солнца“, „Діана и Актеонъ“,—пользуются большимъ почетомъ у любителей искусства. Такъ пазываемый „реализмъ“ (въ его крайности не безъ основанія) въ то время цѣнились не одобрялся. Авторъ „Помпей“ если и брался за пародію сцены, то далѣе *Гаремовъ и Итальянокъ у фонтана* не шелъ. Тонкій изысканный карандашъ его точно былъ созданъ для аллегорій. *Діана на крыльяхъ Ночи* принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ его „мнеологическихъ жанровъ“. Богиня луны и охоты, съ полумѣсяцемъ на головѣ и лукомъ, эмблемой стрѣлки, тихо песется на крыльяхъ темной Ночи надъ журчащимъ заревомъ заката. Ночь, въ темномъ звѣздномъ покрывѣ, тихо перебираетъ струны арфы, а Ангелъ Ночи рождаетъ усыпительный макъ на землѣ и навѣваетъ своимъ дыханіемъ грезы на заснувшихъ обитателей земли.

Памятникъ въ честь павшихъ при взятіи Ташкента.

(Рис. на стр. 745).

Ташкентъ—эта средне-азиатская твердыня, съ сотысячнымъ

поселеніемъ, до покоренія ея русскими, постоянно служила оплотомъ враждебныхъ намъ силъ, и очутившись въ послѣдствіи вблизи новопроведенной государственной границы, мало обезпечивала ея безопасность. Такимъ образомъ, взятіе Ташкента явилось неотложною необходимостью и выполнение этого подвига пало на долю знаменитаго нашего генерала М. Г. Черниева, имя котораго не будетъ никогда забыто въ лѣтописяхъ нашихъ завоеваній въ Средней Азій. Генералъ М. Г. Черниевъ, послѣ наденія Чимкента, тотчасъ же бросился на Ташкентъ, но штурмъ послѣдняго былъ неудаченъ; онъ былъ отбитъ. Но эта неудача не ослабила энергій генерала Черниева, который слѣдующею же весной, въ маѣ 1865 года, снова подступилъ къ Ташкенту. Завладевъ предварительно Пизабекомъ, крѣпостью, лежавшею на лѣвомъ берегу рѣки Чирчика, въ 25 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Ташкента, Черниевъ отвелъ оба главныхъ рукава Чирчика, снабжавшаго водою какъ Ташкентъ, такъ и его окрестности. Но осада укрѣпленнаго города, имѣвшаго 24 версты въ окружности и населенія отъ 150000 до 200000, владѣвшаго громадными средствами къ защитѣ, не обѣщала успѣха и потому командующій нашими неслыханнымъ духотычнымъ отрядомъ, рѣшилъ на слѣдое средство—взять Ташкентъ штурмомъ. Штурмъ былъ назначенъ въ ночь съ 14 на 15 іюня.

Слѣдало; наши охотники съ лѣстницами были уже въ ста шагахъ отъ городскихъ воротъ, а стрѣлки на опушкѣ садовъ подъ самою стѣною; въ это время движеніе нашихъ войскъ было замѣчено карауломъ, на который наткнулись наши храбрыя, вооруженныя лѣстницами; раздалось единодушное ура и пока гарнизонъ успѣлъ ооимнѣться, нашъ передовой отрядъ былъ на барбетѣ и сбрасывалъ оттуда орудія. Занявши стѣны, часть людей стала отворять ворота, а другая бросилась занимать ближніе сады и сакли. Но вступивъ въ городъ, русскіе встрѣтили отчаянное сопротивленіе. Баррикады, устроенныя изъ арбъ и срубленныхъ деревьевъ, и сакли приходилось брать штыками; особенно защищалась улѣна, ведущая отъ воротъ къ главному базару, и нерѣдко случалось, что два изступленныхъ туземца, вооруженные *айбатами* (родъ топора на длинной рукоятѣ), кидались на цѣлую роту и умирали на штыкахъ, не просивъ пощады.

16-го іюня городъ былъ окончательно очищенъ отъ непріятеля; народная оборона прекратилась и къ генералу Черниеву явились аксакалы или почетные старшины съ выраженіемъ полной покорности. Ташкентъ сдался безусловно. Трофеями при его покореніи было 16 большихъ знаменъ, множество значковъ и 63 орудія, изъ которыхъ 48 мѣдныхъ: кромѣ того большое количество ружей. Уронъ нашъ при штурмѣ былъ незначительный и ограничивался 25-ю убитыми и 86-ю ранеными нижними чинами.

Рисунокъ изображаетъ проектъ памятника въ честь взятія Ташкента, составленный, по мысли и инициативѣ имѣвшаго генераль-губернатора, героя М. Г. Черниева, извѣстнымъ художникомъ нашимъ М. О. Микѣшинымъ. Очертанія памятника грандіозны и изящны. Это—эмблематическое изображеніе нашего воина въ формѣ того времени; водружающаго русское знамя въ средней Азій. Вышина новаго памятника будетъ 6 сажень. Поставленъ онъ будетъ въ городѣ Ташкентѣ, на Гимназической площади; закладка произойдетъ въ будущемъ 1884 году 15 іюня (въ день штурма Ташкента), въ слѣдующемъ же затѣмъ 1885 г. предполагается его открытіе. Отлитъ памятникъ будетъ изъ бронзы, pedestal изъ мѣстнаго, разноцвѣтнаго мрамора, находящаго близъ Ходжента, на доскѣ будутъ начертаны имена убитыхъ при штурмѣ; стоимость его предполагается въ 40 тысячъ. Вокругъ памятника разведенъ будетъ скверъ. Замѣчательно, что на той же площади похороненъ бывшій генераль-губернаторъ края, генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ. Мысль странная, и казалось бы болѣе уместно перенести прахъ его, похоронивъ въ Александровскомъ соборѣ, начатомъ при покойномъ и нынѣ оканчивающемся постройкой.

Памятникъ Христофору Колумбу въ Мадридѣ.

(Рис. на стр. 748).

Недавно Испанія отдала должную дань признательности геніальному мореплавателю, когда то давшему ей столько богатствъ и политическаго значенія—Христофору Колумбу. Ему воздвигнутъ, въ началѣ настоящаго года, величественный памятникъ въ Мадридѣ, и такимъ образомъ всенародно и торжественно признаны за нимъ тѣ великія заслуги, которыя ославлялись у него столько столѣтій и приписывались другимъ лицамъ, совершенно несправедливымъ въ открытіи Новаго Свѣта. Памятникъ Колумбу, представленный на нашемъ рисункѣ, воздвигнутъ въ Мадридѣ, на площади противъ зданія министерства иностранныхъ дѣлъ и представляетъ Колумба въ богатомъ испанскомъ нарядѣ, со знаменемъ въ рукѣ, вступающимъ на новооткрытую имъ землю. У ногъ его виднѣя глобусъ. Вообще, статуя геніальнаго мореплавателя очень величественна и кра-

сива. Испанскій скульпторъ Гайета Бигосъ заслуживаетъ полной похвалы за это вполне художественно выполненное имъ произведеніе.

Исторія жизни Христофора Колумба—это исторія безпрерывной борьбы. Родился онъ въ Генуѣ, по однимъ свѣдѣніямъ, въ 1436 г., а по другимъ въ 1441, и не любя отцовское ремесло ткача, рано пристрастился къ морскому дѣлу. Четырнадцати лѣтъ отъ роду, онъ слушаетъ уже въ Падуанскомъ университетѣ лекціи географіи, космографіи, геометріи, астрономіи и морскихъ наукъ. Впрочемъ, свѣдѣнія объ ранней молодости Колумба и объ его научныхъ занятіяхъ и первыхъ путешествіяхъ очень не полны и сбивчивы; достоверно лишь то, что въ 1470 году онъ пріѣхалъ въ Лиссабонъ, гдѣ и женился на дочери стараго моряка Палестрелло, основавшаго колонію на островѣ Порто-Санто и оста-